

УДК 811.512.142
DOI 10.17223/18137083/74/18

Концепт *ТАШ* ‘камень’ в карачаево-балкарской языковой картине мира

М. А. Ахматова

*Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова
Нальчик, Россия*

Аннотация

Статья посвящена исследованию концепта *ТАШ* ‘камень’ в карачаево-балкарской языковой картине мира. Анализ данного концепта показал, что для карачаево-балкарцев камень является одним из краеугольных составляющих этнокультуры народа. Лексема *таш* довольно часто встречается в составе карачаево-балкарских паремий, фразеологизмов, которые выражают различные признаки, свойства, действия, состояния. Она является облигаторным компонентом различных сложных слов и словосочетаний, участвует в номинации географических объектов, различных горных пород, народных игр. Рассматриваемому концепту присущи такие когнитивные характеристики, как опора, основательность, вечность, жизнь, смерть и другие, он также служит для репрезентации состояния и черт характера человека.

Ключевые слова

карачаево-балкарский язык, концепт, лингвокультура, этнографизмы, паремии, изоморфность

Для цитирования

Ахматова М. А. Концепт *ТАШ* ‘камень’ в карачаево-балкарской языковой картине мира // Сибирский филологический журнал. 2021. № 1. С. 239–251. DOI 10.17223/18137083/74/18

Concept of “tash” (stone) in the Karachay-Balkar language picture of the world

M. A. Akhmatova

*Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov
Nalchik, Russian Federation*

Annotation

This paper focuses on a multi-aspect study of the concept of “tash” (stone) in the Karachay-Balkar language picture of the world. The analysis of the available factual material has shown that for Karachays and Balkars, “tash” is quite an important component of the ethnic culture and reflects one of the relevant segments of the naive national picture of the world, encoded in the Karachay-Balkar literature and works of folklore. This fact is also due to significant functional and semantic features of the “tash” lexeme in the Karachay-Balkar language. This

© М. А. Ахматова, 2021

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2021. № 1
Siberian Journal of Philology, 2021, no. 1

word serves as the basis for the formation of a large number of complex words and phrases, giving rise to the corpus of nominations of objects of the surrounding reality: place names, various rocks, etc. In addition, the word under consideration is highly productive in the sphere of terminology associated primarily with the everyday realities of the Karachay-Balkar ethnic group. "Tash" and related concepts are represented in the phraseological fund of the Karachay-Balkar language and paroemias reflecting various anthropomorphic features, in particular: characteristics, properties, actions, states, etc. The concept under consideration has such cognitive characteristics as support, solidity, eternity, life, death, and others and represents the status and the character of a person. Also, the concept of "tash" is realized in the texts of Karachay-Balkar folklore, myths, and in the works of Karachay-Balkar writers and poets, confirming its relevance for the linguistic consciousness of the Karachay-Balkar ethnic group.

Keywords

Karachay-Balkar language, concept, linguoculture, paroemias, isomorphism

For citation

Akhmatova M. A. Concept of "tash" (stone) in the Karachay-Balkar language picture of the world. *Siberian Journal of Philology*, 2021, no. 1, pp. 239–251. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/74/18

В современной лингвистической науке наблюдается устойчивый интерес к проблемам соотношения языка и культуры, что позволяет активизировать исследования, посвященные языковым картинам мира различных народов, так как именно в языке отражается система мировоззрения человека. «Осмысление мира людей как целостной системы и включение отражённых в сознании образов происходит в процессе языкового творчества, который совершается под влиянием чисто лингвистических и экстралингвистических установок. К последним можно отнести культурно-исторический путь развития, образ жизни народа, носителя языка, менталитет той этнокультурной общности, к которой принадлежит человек» [Раемгужина, 2009, с. 3]. Человек, познавая окружающий мир, закрепляет свое миропонимание в языковом сознании в образных выражениях, которые ассоциируются с культурно-национальными эталонами, стереотипами [Телия, 1986, с. 233]. Каждый язык формирует определенный комплекс представлений об окружающей действительности, «если мир – это человек и среда в их взаимодействии, то картина мира – результат переработки информации о среде и человеке» [Маслова, 2001, с. 64]. Формой жизнедеятельности этноса и окружающей его действительностью детерминируется появление целого ряда ключевых культурных концептов, образующих основу миропонимания и мировоззрения народа. Как отмечает Г. Р. Галиуллина, «язык является неотъемлемой частью бытия, он аккумулирует социально-культурный опыт общества и является одной из основных форм передачи народных традиций, тех наивных мифологических представлений народа, которые существовали на заре человечества» [2008, с. 197]. С помощью языка человек концептуализирует окружающую действительность.

В формировании картины мира человека участвует не только языковая система, но и личный опыт, знания, существующие в обществе традиции и другие социальные факторы, а также окружающий нас мир, которые неким образом преломляются, проходя сквозь призму языка, система образов переходит в человеческом сознании в систему значений [Маругина, Ламинская, 2010]. Мир воспринимается человеком через призму родной культуры, которая складывается под влиянием географических и климатических условий проживания народа, его ве-

рований, менталитета, строя языка и многого другого, что способствовало «возникновению объектов поклонения, впоследствии ставших неотъемлемой частью всей сущности социума. Для того чтобы понять жизнь, поведение и культуру древних людей, важно попытаться восстановить присущие им представления и ценности» [Галиуллина, 2008, с. 197].

Концепт *КАМЕНЬ* находит свою реализацию в текстах карачаево-балкарского фольклора, мифах и в произведениях карачаево-балкарских писателей и поэтов. Это свидетельствует в пользу того, что он достаточно релевантен для языкового сознания карачаево-балкарского этноса. В этом отношении небезынтересно следующее высказывание известного поэта К. Ш. Кулиева: «Я многим обязан камню. В горах он особый. Как ни странно, камень учил меня мыслить, учил сдержанности, оберегал, как и деревья, от многословья и болтливости в стихах, камнем гор порождены многие мои мысли. Теплый камень очага греет босые ноги ребенка, стены своего жилья горцы делают из камня, а также жернова водяных мельниц (ветряных у нас нет) и ограды. Косы, кинжалы, ножи точили на камне. И стреляли по врагам мои земляки, лежа за камнем, и отдыхали, сидя на камне, и раненые опирались на камень, и погибали люди часто от камня, сорвавшегося со скалы. Камень, наконец, становился надгробием жителя гор, сохраняя его имя на долгие годы. Камень сопровождал горца от рождения до смерти, он “общался” с ним каждый день» [1986, с. 305].

Различные характеристики рассматриваемого феномена представлены в мифологической картине мира карачаево-балкарского этноса. Так, например, текст карачаево-балкарского нартского эпоса начинается со слов: *Эртте-эртте, дорбунлада тургъанда, Таи тегене агъач элек болгъанда* ‘Давным-давно, когда (люди) обитали в пещерах, Когда каменное корыто и деревянное сито были’, что говорит о первоначале, первообразе мира. По мнению З. А. Кучуковой, «здесь “каменное корыто” служит хранителем времени, длительной исторической памяти человека» [2005, с. 142]. В фольклорных и художественных текстах концепт *ТАИШ* характеризуется рядом особенностей, которые выделяют его среди других культурных концептов. Данный фрагмент языковой картины мира дает возможность обнаружить соотношение между языковыми единицами и концептуальными структурами, сохранившимися в сознании носителей языка знания о природном элементе, который объективно существует и который характеризуется определенными особенностями.

Еще древние тюрки считали камень символом мудрости. В казахском эпосе бросанием камня испытывали силу, в алтайском эпосе при помощи камня поражали врагов, хакасы курганный камень посвящали духу горы и т. д. [СИГТЯ, 2006, с. 689–690].

Как пишет Ф. Г. Хисамитдинова, *таиш* ‘камень’ – «в мифологии один из первоэлементов мира; сакральный предмет, символ твердости, прочности; имеет как положительную, так и отрицательную семантику; символ неуязвимости; встречается во многих обрядах, запретах, благопожеланиях, проклятиях башкир» [2010, с. 284].

У карачаево-балкарцев особое отношение к камню. В их представлении камень является символом вечности, крепости, силы, устойчивости перед временем и т. д. Камень – вечный спутник горцев, он служил и служит им во всех сферах жизнедеятельности. Карачаевцы и балкарцы из камня строили *къала* ‘башни’, *от жагъа* ‘очаги’, *сын таиш* ‘каменные надгробья’, *хуна* ‘заборы’ и т. д. В. П. Кобычев пишет, что «в балкарских ущельях на позднее Средневековье и Новое время

приходится самый расцвет каменного зодчества» [1972, с. 163]. Балкарцы были искусными камнетесами. Огромные каменные блоки, которые они использовали при строительстве, подходили друг к другу так точно, что строительная смесь почти не использовалась. Для хозяйственных построек применяли различную кладку: *тюз хуна* ‘однорядная стена’, *улхузу хуна* ‘двухрядная стена (забор из щебня)’, *чырды / цырды* ‘стреха’, *хуна* ‘террасообразующая стена’.

Э. Б. Бернштейн писал, что «в Балкарии первоначально отдельные жилища располагались довольно свободно относительно друг друга, даже там, где была полная возможность поставить их на плоскости высокогорного плато над уступом скалы, их предпочитали строить так, чтобы хоть одну заднюю стену жилища составил вертикальный срез скалы как наиболее надежная опора для перекрытия. Словно человек не решался окончательно оторваться от той среды, которая была для него привычна, когда жилищем являлась пещера, найденная или вырубленная в массиве самой скалы» [1993, с. 5]. Для горца важно было чувствовать себя защищенным, поэтому камень (скала) был для него опорой:

Таулу таиша сыртын таяндырмай тынчаймаз ‘Горец не отдохнет, пока не обопрется спиной о камень’ (погов.);

Аталай а кече элгенип уянды, Ёрге туруп таи хунагъа таянды ‘Аталай, вздрогнув, проснулся, Встал и прислонился к каменному забору’ [АИГЭ, 2015, т. 1, с. 533].

Къала ‘крепость’, выстроенная из камня, олицетворяет собой Родину:

Нек дегенде, бурун заманладан бери ненча ёмюр ётдю, къала уа бююн да турады, алгъынча кюн балаланы уясыды – ас халкъны тыпыр таиши болгъанлай ‘Сколько веков прошло с тех давних времен, а крепость и сегодня стоит, как и прежде являясь родным домом (Родиной) для детей солнца, – очажный камень народа асов’.

Камень когда-то служил для человека жилищем (*дорбун* ‘пещера’), дверью (*гыйы таи* ‘глыба’), кроватью (*тау таиша* ‘горные камни’):

Сора кеч-ахшам болгъанда, эчкилени алып келип, кеси салып кетген улду гыйыны дорбунну эшигинден алып, ичине жыйды. Аллына биягъы гыйыны салып бегитди ‘Когда стемнело, (эмеген) пригнал коз, отодвинул в сторону громадную каменную глыбу, которой утром закрыл вход в пещеру и загнал туда (коз)’ [Нарты..., 1994, с. 131];

Тау таиша тёшеклери болдула, дейди, Жууургъанлары кёкдеги акъ булутла болдула, дейди ‘Их тюфяки – горные камни, говорят, Их одеяло – белые облака, говорят’ [Там же, с. 226].

Лексема *таиш* довольно часто встречается в составе карачаево-балкарских паремий, которые выражают различные признаки, свойства, действия, состояния: *артыкъ сёз таиш жарыр, артыкъ файда баиш жарыр*, букв.: ‘лишнее слово камень расколет, излишество голову расколет’, *атлай билмеген таиша абыныр*, букв.: ‘кто не умеет ступать, тот на камень наткнется’, *батырлыкъ – отлукъ таишча, кьоркьакълыкъ – жёге агъашча*, букв.: ‘смелость, как кремень, трусость, как липа’, *гюняхлыны таиш кысар*, букв.: ‘грешного камень сдавит’, *жаиша айтсанг – таиша жазгъанча, къартха айтсанг – кьаргъа жазгъанча*, букв.: ‘молодому сказать – как на камне написать, старому – как на снегу написать’, *таиш суу-*

укъдан элгенмез, букв.: ‘камень мороза не боится’, тишисиз аууз – таишсыз тирмен, букв.: ‘беззубый рот – мельница без жерновов’ и др.

Небезынтересен и фразеологический фонд карачаево-балкарского языка, включающий целый ряд фразеологических единиц со стержневым компонентом *таиш*, которые выражают различные эмоциональные состояния, действия, признаки и т. д.: *таиш жаратылгъандан бери* ‘испокон веков’, букв.: ‘со времен появления камня’, *таиш-агъач аша* ‘разозлиться, взбеситься’, букв.: ‘ешь камень-дерево’, *аякъларым буз таиш болгъандыла* ‘у меня ноги окоченели’, букв.: ‘ноги превратились в ледяные камни’, *басар таишын таньмазгъа* ‘сильно обрадоваться’, букв.: ‘не узнавать камень, на который будешь наступать’, *бачхасына таиш атаргъа* ‘кого-либо обидеть’, букв.: ‘кинуть в чей-либо огород камень’ и др.

Данная лексема входит и в состав этнографизмов: *къол таиш* ‘игра-состязание для юношей в толкании камня’, *отлукъ таиш* ‘кремень’, *тузлукъ таиш* ‘гнёт (в кадучке с соленьями)’, *къол таиш* ‘игра-гадание’, *базман таиш* ‘гиря’, *тирмен таиш* ‘жернов’, *таиш ушкок* ‘каменное ружье (ружье с кремневым замком)’, *тыпыр таиш* ‘очажный камень’ и др.

В карачаево-балкарском языке встречаются *каргыши* ‘проклятия’ с компонентом *таиш* ‘камень’. Проклятия являются древнейшим жанром фольклора, мифологические истоки которого базируются на религиозных и магических представлениях этноса. Функция проклятия состоит в обращении к богу с различной просьбой – о смерти (в отношении кого-либо), ухудшения жизни, материального неблагополучия, препятствия в пути и т. д.:

– *Зарлыгъынгы отунда башынг от болуп кюйсюн, Къолумдан ашагъанынг санга таиш болуп тийсин!* ‘– Пусть твоя голова сгорит в огне твоей зависти, Пусть то, что ты ел из моих рук, камнем ударит тебя!’ [АИГС, 2015, т. 1, с. 156];

Ой, Къарачач, къайда энг, жанынг терк къурурукъ, Тирмен таишда, тохтамай, жети кюн бурулдукъ! ‘Ой, Карачач, где (ты) была, да сгинет вмиг твоя душа, Крутиться бы тебе между жерновами семь дней не переставая!’ [Там же, с. 421].

В миропонимании карачаево-балкарцев камень являлся мерилем силы и мощи человека. В текстах карачаево-балкарского эпоса свою силу нарты испытывали при помощи различных действий с камнями: то поднимали, то кидали, то отбивали, то раскалывали камни:

Сосурукъ темир ылытхынны алып, къаягъа чыгъып, уллу таишланы оюп, энишге жибереди. Эмеген аланы къая тюбюне жетгинчи, башы бла уруп, къаяны башы бла аудуруп, Сосурукъну къоркъутхан окъуна этеди ‘Сосурук взял железный лом, поднялся на скалу и стал сбрасывать оттуда вниз огромные камни. Эмеген же, стоя внизу, все эти камни отбивал головой (с такой силой), что они пролетали через скалу. Это даже испугало Сосурука’ [Нарты..., 1994, с. 120];

– *Энди кесими бир сынайым, – деп, лытпыр чакълы бир таишны сермеди. Таишны кётюргенде, бутлары тобукъгъа дери жерге батдыла. Таишны силдеп, эгурну юсюне атханда уа, къаты суу таишда ун болуп къалдыла* ‘– Ну, а теперь испытаю я и себя, – решил он (Карашауай) и, схватив, поднял камень с копну. Ноги его по колено провалились в землю. А когда бросил камень на огромную грудку камней, превратил эти крепкие камни в пыль’ [Там же, с. 189];

Эл ныгышыда олтурадыла кьартла, Ташины сыгып, сууун чыгарган нартла 'На завалинке сидят старики-нарты, способные из камня выжать воду' [Нарты..., 1994, с. 142].

Горы также воспринимались как символ, как мерило мужества, удали и силы. Герой эпоса Ёрюзмек испытывал своего коня, перепрыгивая через горы; стрелы Дебета проходили сквозь горы и т. д.:

Бек сьогенди таудан таугъа секирирге (Гемуда), Нарт элинде хар бир жерни билирге. Ол секиргенд ал бурун Къазман таугъа, Ол чыкьгъанды андан сора Минги таугъа (Гемуда) очень любил перепрыгивать через горы, На земле Нартов хотел знать все места. Сначала он прыгнул на гору Казман, потом поднялся на Минги тау' [Там же, с. 179].

В карачаево-балкарском нартском эпосе камень символизирует женское начало. По данным некоторых текстов эпоса, Ёрюзмек появился из небесного камня, который упал на землю:

Къарагъанында, бир бек уллу терен чунгурну ортасында эки жарылган бир уллу кьк ташины кьрдю. Аны ичинде уа бир тулпар жашичкь 'Внутри глубокой ямы (он) увидел расколовшийся огромный небесный камень. А внутри (камня) находился мальчик' [Там же, с. 74].

В другом тексте говорится о рождении Сосурука из камня:

Созукну урлугъу, огъу да атылды, дейле, Ол Сатанай олтурган а со-стар таиха чачылды, дейле. Ол таи таууи эте, кьымылдай болгъанды, дейле, Къаратон Сатанайны жюреги кьууанчдан толгъанды, дейле, Таи тогъуз айны бууаз болуп а тургъанды, дейле, Таи жарылып а Сосурук андан туугъанды, дейле 'Семя Созука, как стрела, полетело, говорят, И попало в камень, на котором сидела Сатанай, говорят... Этот камень начал издавать звуки и шевелиться, говорят. И сердце бездетной Сатанай наполнилось счастьем, говорят, Камень девять месяцев был беременным, говорят, Камень раскололся и из него родился Сосурук, говорят' [Там же, с. 117].

Топонимика Карачая и Балкарии изобилует названиями с компонентом *таи*: *Сосурканы таи* 'Камень Сосурука', *Тапчан таи* 'Камень-тапчан', *Таи баула* 'Каменные загоны', *Таи тьнгереген* 'Место, где скатился камень', *Ташкёпюр* 'Каменный мост', *Таш-Блышхыра*, *Ташлы-Тала* 'Каменная поляна', *Ташлы-Кьол* 'Каменное ущелье', *Отлукъ таи* 'Кремень' и др. [Хапаев, 2013]:

Ачейлары Ташлы Сыртда жашай эдиле, дейди, Алада юч жьыйырма атлы бола эди, дейди 'Ачевы жили в Ташлы Сырте, говорит, у них было шестьдесят конных, говорит' [Нарты..., 1994, с. 262];

Акь атынгы жюгенлери ариу кюмош акь тогъайлы, Ташлы Сыртда сени атмагъа эд эгечден туугъан ол ногъайлы 'Кольца уздечек твоего белого коня из красивого белого серебра, Как бы не застрелил тебя на Ташлы-Сырте ногаец, сын твоей сестры' [АИГЭ 2015, т. 2, с. 52];

Къабартыдан кьонакларым Отлукъ Таида сакълайла, Азнаурну кечге кьалгъанды деп, атын-бетин бокълайла 'Мои гости из Кабарды ждут меня в Отлук-Таше, Имя-честь Азнаура порочат. За то, что он опаздывает' [Там же, с. 55].

Во времена язычества люди поклонялись священным камням и обращались к ним с различными просьбами:

Насып келип, жашай, артта бек абындыкъ, Амалсыздан Таиша, келгенбиз, табынып 'Счастливы жили мы, но потом сильно споткнулись, От безысходности пришли поклониться к Камню' [АИГЭ, 2015, т. 1, с. 408].

С приходом мусульманства такое отношение к камням начинает порицаться и запрещаться:

Таиша ийнанган ийнамындан чыгъар (посл.) 'Тот, кто верит в камни – безбожник'.

Как пишет Х. Х. Биджиев, «в прошлом в Карачае у каждого селения и даже у каждого рода имелись свои священные камни» [1979, с. 114]. Культурные камни выполняли следующие функции: камни-оплодотворители, камни-исцелители, камни-покровители, камни-проклятия и др. Отдельно стоящий камень представлял собой тотем, сакральный символ. В Карачае и Балкарии известны следующие камни.

- *Къадау таиш / мурдор таиш* – «1. камень особой твердой породы; 2. основа, краеугольный камень» [ТСКБЯ, 2005. с. 465]. Символизирует собой основу чего-либо: *Тюзлюк – ара юйюрню къадау таишы* 'Правда – основа семьи' (погов.); *Къарачайны къадау таишы* 'краеугольный камень Карачая'. Горцы у этого камня возносили молитвы за счастье, здоровье, удачу.

- *Налат таиш* «камень проклятия»: *Налатны – налат таиша* 'Проклятие – на камень проклятия' (погов.).

- *Брыс таиш* 'камень суеверия'. Каждый, кто проходил мимо этого камня, должен был оставить что-нибудь с просьбой о добре, о мире [Хаджиева, 1996, с. 56].

- *Блхайты таиш* 'Камень Ышхайты'. Во времена язычества существовало поверье, если возле этого камня коптить кабана (свинью), то урожай не будет съеден жуками, так как всякая зараза от этого запаха разбежится [Там же].

- *Къош таишла* 'Камень Кош'. Этому камню поклонялись и несли различные угощения, прося его о чем-л. [Там же].

- *Элия таиш* 'Камень Элия'. Люди с различной проказой приходили к камню с просьбой об исцелении [Там же].

- *Кёк таиш* 'Небесный камень'. По преданию, люди во время страшного мора бежали в горы. Одна из женщин поставила на камень колыбель с младенцем, и на нем якобы остались следы дужек колыбели.

- *Къаиша таиш* 'Лысый камень'. Управившись с трудным делом, люди шли на поклонение к этому камню [Джуртубаев, 1991, с. 61].

- *Тотур таишы*. Покровительства Тотура просили в обряде, связанном с первым выходом юноши на охоту. Также верили, что он может разорить человека, выслав волков на его стадо [Там же, с. 120]. Также устраивали праздник в честь этого камня (резали жертвенный скот, пели и плясали вокруг камня), прося у него помощи [Хаджиева, 1996, с. 8].

- *Камень Аштотур*. Проезжая мимо камня Аштотур, человек должен был спешиваться; охотники, идя на охоту, оставляли там одну из стрел своих, а по возвращении – часть добычи [Карачаевцы и балкарцы, 2014, с. 529].

- *Чоппаны таишы*. Ритуальная пляска вокруг камня Чоппы сопровождалась песней с просьбой о дожде [Там же].

• *Сосуркъаны таши* ‘Камень Сосурука’. Карачаево-балкарцы устраивали около этого камня поминки [Карачаевцы и балкарцы, 2014, с. 515].

Особо почитались камни бесплодными женщинами. Они молились, приносили дары камням: *Мамукъ таиш* (*мамукъ* ‘вата’ + *таиш* ‘камень’), *Байрым таишла* ‘Камни Байрым’ – бездетные молились, прося ребенка; женщины, у которых были дети молились за детей.

В текстах карачаево-балкарского нартского эпоса встречаются камни, которые пользовались особым вниманием у народа.

• *Нарт таишы*. Если родился ребенок, то его купали в воде, налитой на этот камень: *Жаиш барып, тюз белинден кѣтюрюп* (*таишы*), *элтип бир кюнлюм къабыргъагъа сюеди, ма бюгюн ол Огъары Чегемде тургъан Нарт таишы олду* ‘Юноша подошел, поднял (камень), понес и прислонил к южному склону (горы). Это и есть камень Нартов, который по сей день находится в Нижнем Чегеме’ [Нарты..., 1994, с. 75].

• *Чариш таиш* ‘камень на месте скачек’: *Сора нартла чариш таиша жыйылышхандыла. Чариш таишдан чаба туруп, жолларыны жартысы кѣк тенгизни юсю бла болгъанды* ‘Все нарты собрались к камню, откуда начинались скачки. От этого камня половина их пути проходила по морю’ [Там же, с. 192].

• *Союм таиш* ‘Камень жертвоприношения’: *Эки эмеген да Сибилчини алып кетип, союм таиша жатдырып, геммеш чындыла бла къолун-аягъын байладыла* ‘Два эмегена схватили Сибилчи, потащили к камню, на котором резали скот, и связали ему руки и ноги ремнями из шкуры буйвола’ [Там же, с. 222].

• *Бердибий таиш* ‘Камень Бердибия’: – *Къач кешенеден жортханын бузмай, Бердибий таишына киши жеталмайды, – деп ишни ангылатды (Ёрюзмекге Дебет)* ‘– Никто не может пробежать без отдыха от Кач кешене до Камня Бердибия, – объяснил (Дебет Ёрюзмеку)’ [Там же, с. 75].

• *Оноу этиучю таиш* ‘Совещательный камень’: *Аны бла Фук ёлгенди да, Ёрюзмек Фукну орнуна оноу этиучю таиша олтургъанды. Алай бла Ёрюзмек нартлагъа оноу эте жашагъанды* ‘Когда Фук умер, Ёрюзмек вместо него стал главою нартов. Так он жил, управляя нартами’ [Там же, с. 90].

В камне закодирована информация об этногенезе социума. Тюрки, в том числе карачаевцы и балкарцы, по-особому относились к камню, они воздвигали памятники из камня (в основном это были надгробные камни), на которых оставляли информацию для будущих поколений. Первоначально могила обозначалась безымянной глыбой или куском камня, склепами, каменными ящиками, а впоследствии – каменными стелами (*кешене* ‘гробница, мавзолей’, *шиякы* ‘склеп, гробница’, *сын таиш* ‘надгробие, надгробный памятник’):

Айланып, айланып, болмайды, бир жерде тапмайды. Келип, былайда, бу сын таишла болгъан жерде жатады кече ‘Долго искал, но нигде не нашел. Пришел и прилег вечером у надгробия’;

Гитче къолну аягъы – Ёмюрлени сыфаты. Кешенеле былайда – Эминаны шагъаты ‘Подножье Гитче кол – Образ веков. Крепости здесь – Свидетели чумы’ [Там же, с. 238].

Особую группу камней составляют «следовики». Это валуны с углублениями, которые напоминают отпечаток ступни человека. В нартском эпосе встречаются сюжеты о том, как на камнях оставляют свои следы герои эпоса. Это есть камни-следовики, которые связаны с началом каменосечного искусства древних народов.

Былайда, Къумушину бери жаньнда, бир уллу таш бар эди да, ол ташны юсюнде аны атыны, кесини да аякъ ызлары тюшюб тюрленмей турадыла ‘Здесь, на этой стороне Кумуша был огромный камень. На нем остались следы коня (Карашауая) и его самого’ [Нарты, 1994, с. 127];

Гемуда секирип, бирси таудан жерге тюшгенде, ал аягъы бла уллу жассы ташны басханды. Гемуда асыры залимден, кючю бла келип ташха тийгенде, аны ал аягъы ташха батханды. Ол тартып аны андан чыгъ-аргъандан сора, аны туюкъ ызы ташда къалгъанды ‘Когда Гемуда спрыгнул с горы, он наступил передней ногой на большой черный камень. Гемуда был очень мощный, поэтому его передняя нога провалилась в камень. Когда он выдернул ногу оттуда, оставил след копыта на камне’ [Там же, с. 212].

С исторической точки зрения карачаево-балкарские *оюнла* ‘игры’ были связаны с определенными праздниками, обрядами. Камень был одним из важных элементов таких игр. У карачаево-балкарцев существовали такие игры, как *къол таш* или *имбаш таш* (где *къол* ‘рука’, *имбаш* ‘плечо’), *кюч таш* (*кюч* ‘сила’), *аркъа таш* (*аркъа* ‘спина’), *юч таш* ‘три камня’ и др.:

– *Оюнлары не зат эди? – Оюнлары имбаш ташды. – Ташлары уа не кибикиди? – Эки ёгюзню арасында Жюрюген а гебен кибики* ‘– А что у них за игра? – А игра их (называется) – толкание камня. – А камень у них на что похож? – На стог сена, который волокут два вола’ [Там же, с. 185];

Гебен кибики суу ташланы къолташи этип атханды (Алауган) ‘(Алауган) метал речные валуны величиной со стог сена’ [Там же, с. 151];

Анда уа бир ариу къыз бар, бешташ ойнай, Бир къозучукъда къатында къаудан чайнай ‘Там какая-то красивая девушка играла в бешташ, Рядом с ней ягненок жевал сухую траву’ [АИГЭ, 2015, с. 529].

У карачаево-балкарцев широко был распространен вид мантики – гадание на камешках – *таш салыу* ‘сев камней’, который берет свое начало из язычества. Приведем пример из текста нартского эпоса:

– *Бу не сейирди, не алапатды? – деп, Къайгъыгъа къалгъандыла, Барып, эллеринде обурла таматасы Жанханайны чакъырып, беш таш салдыргъандыла* ‘– Что же это такое? – говорили. Они стали беспокоиться. Позвали колдунью Жанханай, чтобы она погадала на камушках’ [Нарты..., 1994, с. 191].

Камень использовался и как музыкальный инструмент:

Алауган терк окъуна балдыргъан къаурадан кесине сыбызгъы этеди. Ёрюзмек, къара ажирлени къуйрукъларындан тюкле алып, кесине къыл къобуз этип согъады. Сосурукъ эки ташны алып, бир бирге урады ‘Алауган быстро смастерил из тростника себе свирель. Ёрюзмек, взяв волосы из хвостов черных жеребцов, сделал себе скрипку. Сосурук, взяв два камня, начал стучат ими’ [Там же, с. 225].

В своих домах предки карачаево-балкарцев очажный камень использовали и как тайник, надежное хранилище:

– *От жазгъаны тыпыр ташыны тюбюнде бир къара къошун болур. Аны ичинде къара жау болур* ‘– Под очажным камнем есть черный кувшин. В нем есть черный жир’ [Там же, с. 148];

– *Атангы жатхан кѡабыры бусагъатда да турады. Минг гѡренке ташны тюбюнде аты, саууту да бар эди* – Могила твоего отца и сейчас в сохранности. Под камнем в тысяча гѡренке находились его конь и оружие [Нарты..., 1994, с. 260].

Камень символизирует конец жизненного пути человека (в сочетании со словом *сын* «надгробье»): *Кѡабырны белгиси – сын таш* ‘Знак могилы – надгробье’.

Кѡаншау-бийими, сау эсе, ол Таш бизге айтыр, Ёлген эсе уа сын ташын салырбыз, кѡайытып ‘Если мой князь Каншау жив, тот Камень скажет нам, А если он умер, то, вернувшись, установим его надгробье’ [АИГЭ, 2015, т. 1, с. 407].

Жизнь сравнивается с движением жерновов мельницы. Народ жив до тех пор, пока крутятся *тирмен ташла* ‘жернова его мельницы’. Остановка движения жерновов мельницы символизирует смерть: *Тирмен ташы бурулады* ‘Жернова (его) мельницы крутятся (еще)’ (погов.).

Человек, способный стать опорой, воспринимается как камень:

– *Билемисе, ма ол сени жашынгды, Кѡартлыгъынгда сен таяныр ташынгды* ‘– Знаешь, он твой сын, Опора твоя в старости’ [Нарты..., 1994, с. 93];

Ёрюзмек а нарт элини башыды, Нарт элини таянырыкъ ташыды! ‘Ёрюзмек – глава нартов, Опора Страны Нартов’ [Там же, с. 125].

В целом для камня релевантны следующие характеристики.

Вечность, упорядоченность, основательность: *Ауур таш жеринден тепмез, акъыллы адам элинден кѡчмез* ‘Тяжелый камень с места не сдвинется, умный человек не переедет из (своего) села’ (погов.); *Чолпан жулдуз жулдузланы башыды, Темиркъазакъ кѡкню тепмез ташыды* ‘Венера главная из звезд, Полярная звезда – неподвижный камень неба’.

Камень есть очищающее средство: *Жети ташдан ётген суу жангыдан таза болур* ‘Вода, прошедшая через семь камней, становится чистой’.

Манера говорить: *Кѡазаннга таш атып тѡнгеретгенча да сѡлешеди* ‘Говорит (так шумно, громко), будь-то бы в казан бросили камень и катят его’; *Сѡлешую ташны ташха ургъанча* ‘Говорит, как камень о камень стучит’.

Камень также служит для репрезентации состояния и черт характера человека.

Состояние: *Мин дей болур эд ююне. Мен а таш эдим, кѡреед, Кѡычырыкъ этип, жыладым, Тауушум чыкъмад тышына* ‘Наверное, просил меня сесть на него, а я окаменел, он видел, Потом я заплакал, закричал, Но я не издал звука’ [АИГЭ, 2015, т. 1, с. 57]; – *Эй, улан, не этесе былайда, Таш да жарылды, жол да бюгюлдо, Сен а тураса сирелип, таш болуп, ташны кѡатында?* ‘– Эй, молодец, что ты делаешь здесь, И камень раскололся, и дорога прогнулась, А ты стоишь, окаменев, возле камня’ [Там же, с. 57].

Черты характера:

1) **жестокость:** *Кюйсюзню башы башыды, жюреги уа ташыды* ‘У жестокого (человека) голова – голова, а сердце – камень’ (погов.);

2) **сдержанность** – качество человека, которое высоко ценится в народе: *Сабырлыгъынгы ташха байла* ‘Привяжи свою сдержанность к камню’ (погов.);

3) **благородство** – одно из составляющих морального образа человека: *Асыл – ташдан, акъыл – башдан* ‘Благородство от камня, ум от головы’ (погов.);

4) *терпимость* – это часть ментальной души народа, которая сравнивается с твердостью камня: *Таш кьаргъа да, отха да чыдагъанча, Чыдады ол адам хар кьыйылыкъгъа* ‘Тот человек выдержал все трудности, подобно камню, который выдержал и снег, и огонь’ [Кулиев, 2010, с. 319];

5) *неуживчивость*: *Хунагъа жараман таш кибик* ‘Как камень, непригодный для забора’ (погов.); *Таш юсюнде таш кьоймагъан* ‘Не оставляющий камень на камне (человек)’ (погов.).

Таким образом, анализ языковой экспликации концепта *ТАШ* ‘камень’ показал, что для карачаево-балкарцев он является одним из важных составляющих этнокультуры. Для рассматриваемого концепта актуальны такие когнитивные характеристики, как вечность, основательность, опора и др. Он также служит для репрезентации состояния и черт характера человека, таких, как благородство, жестокость, сдержанность, неуживчивость и т. д.

Список литературы

АИГЭ – Аланский историко-героический эпос / Сост. М. Ч. Джуртубаев: В 3 т. Нальчик: Тетраграф, 2015. Т. 1. 655 с.; Т. 2. 479 с.

Бернштейн Э. Б. Архитектура балкарского народного жилища. М.: Дикси, 1993. 160 с.

Биджиев Х. Х. Погребальные памятники Карачая XIV–XVIII вв. // Вопросы средневековой истории народов Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1979. С. 63–146.

Галиуллина Г. Р. Космологические воззрения в татарской антропонимической картине мира // Учен. зап. Казан. гос. ун-та. Казань, 2008. Т. 150, кн. 2. С. 197–205.

Джуртубаев М. Ч. Древние верования балкарцев и карачаевцев: Краткий очерк. Нальчик: Эльбрус, 1991. 256 с.

Древнетюркский словарь / ред. В.М. Наделяев, Д.М. Насилов, Э.Р. Тенишев, А.М. Щербак. Л.: Наука, 1969. 676 с.

Карачаевцы и балкарцы / Под ред. М. Д. Каракетова, Х.-М. А. Сабанчиева. М.: Наука, 2014. 815 с.

Кобычев В. П. Типы жилищ у народов Северо-Западного Кавказа в середине XIX в. // Кавказский этнографический сборник. М., 1972. Т. 99. С. 150–167.

Кулиев К. Ш. Поэт всегда с людьми: Статьи, эссе. М.: Сов. писатель, 1986. 336 с.

Кулиев К. Ш. Собр. соч.: В 6 т. Нальчик: Эльбрус, 2010. Т. 4. 592 с.

Кучукова З. А. Онтологический метакод как ядро этнопоэтики (карачаево-балкарская ментальность в зеркале поэзии). Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2005. 312 с.

Маругина Н. И., Ламинская Д. А. Концепт «Природа» в русской и английской языковых картинах мира // Язык и культура. 2010. № 2 (10). С. 36–46.

Маслова В. А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студентов высших учебных заведений. М.: Академия, 2001. 208 с.

Нарты. Героический эпос карачаевцев и балкарцев. М.: Наука: Изд. фирма «Восточная литература», 1994. 656 с.

Раемгужина З. М. Башкирский антропонимикон в свете языковой картины мира: Дис. ... д-ра филол. наук. Уфа, 2009. 300 с.

СИГТЯ – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка / Отв. ред. Э. Р. Тенишев, А. В. Дыбо. М.: Наука, 2006. 908 с.

- Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986. 242 с.
- ТСКБЯ – Толковый словарь карачаево-балкарского языка: В 3 т. Нальчик: ЭЛЬ-ФА, 2005. Т. 3: С–Я. 1157 с.
- Хаджиева Т. М. Карачаево-балкарский фольклор. Хрестоматия. Нальчик: ЭЛЬ-ФА, 1996. 592 с.
- Хапаев С. А. Географические названия Карачая и Балкарии. М., 2013. 576 с.
- Хисамитдинова Ф. Г. Мифологический словарь башкирского языка. М.: Наука, 2010. 452 с.

References

- Alanskiy istoriko-geroicheskiy epos* [Alan historical and heroic epic]. Dzhurtubaev M. Ch. (Comp.). Nal'chik, Tetragraf, 2015, vol. 1, 655 p.; vol. 2, 479 p.
- Bernshiteyn E. B. *Arkhitektura balkarskogo narodnogo zhilishcha* [Architecture of the Balkar people's home]. Moscow, Diksi, 1993, 160 p.
- Bidzhiev Kh. Kh. Pogrebal'nye pamyatniki Karachaya 14–18 vv. [Funerary monuments of Karachay, 14th - 18th centuries]. In: *Voprosy srednevekovoy istorii narodov Karachaevo-Cherkessii* [Questions of medieval history of the peoples of Karachay-Cherkessia]. Cherkessk, 1979, pp. 63–146.
- Drevnetyurkskiy slovar'* [Ancient Turkic dictionary]. V. M. Nadelyaev, D. M. Nasilov, E. R. Tenishev, A. M. Shcherbak (Eds). Leningrad, Nauka, 1969, 676 p.
- Dzhurtubaev M. Ch. *Drevnie verovaniya balkartsev i karachaevtsev: Kratkiy ocherk* [The ancient beliefs of the Balkars and Karachays: a brief outline]. Nal'chik, El'brus, 1991, 256 p.
- Galiullina G. R. *Kosmologicheskie vozzreniya v tatarskoy antroponimicheskoy kartine mira* [Cosmological views in the Tatar anthroponymic picture of the world]. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki (Proceedings of Kazan University. Humanities Series)*. 2008, vol. 150, pp. 197–205.
- Karachaevtsy i balkartsy* [Karachais and Balkars]. M. D. Karaketov, Kh.-M. A. Sabanchiev (Eds). Moscow, 2014, 815 p.
- Khadzhieva T. M. *Karachaevo-balkarskiy fol'klor. Khrestomatiya* [Karachay-balkar folklore. Reader]. Nalchik, EL'FA, 1996, 592 p.
- Khapaev S. A. *Geograficheskie nazvaniya Karachaya i Balkarii* [Geographical names of Karachay and Balkaria]. Moscow, 2013, 576 p.
- Khisamitdinova F. G. *Mifologicheskiy slovar' bashkirskogo yazyka* [Mythological dictionary of the Bashkir language]. Moscow, Nauka, 2010, 452 p.
- Kobychev V. P. *Tipy zhilishch u narodov Severo-Zapadnogo Kavkaza v seredine 19 v.* [Types of dwellings among the peoples of the Northwestern Caucasus in the middle of the 19th century]. In: *Kavkazskiy etnograficheskiy sbornik* [Caucasian ethnographic collection]. Moscow, 1972, vol. 99, pp. 150–167.
- Kuchukova Z. A. *Ontologicheskiy metakod kak yadro etnopoetiki (karachaevo-balkarskaya mental'nost' v zerkale poezii)* [Ontological metacode as the core of ethno-poetics: (Karachay-Balkar mentality in the mirror of poetry)]. Nal'chik, Izd. M. i V. Kotlyarovyh, 2005, 312 p.
- Kuliev K. Sh. *Poet vseгда s lyud'mi: Stat'i, esse* [The poet is always with people: articles, essays]. Moscow, Sov. pisatel', 1986, 336 p.
- Kuliev K. Sh. *Sobr. soch.: V 6 t.* [Collected works: In 6 vols]. Nal'chik, El'brus, 2010, vol. 4, 592 p.

Marugina N. I., Laminskaya D. A. Kontsept “Priroda” v russkoy i angliyskoy yazykovykh kartinakh mira [The concept “Nature” in Russian and English language pictures of the world]. *Language and Culture*. 2010, no. 2 (10), pp. 36–46.

Maslova V. A. *Lingvokul'turologiya: Ucheb. posobie dlya studentov vysshikh uchebnykh zavedeniy* [Linguoculturology: Textbook for students of higher educational institutions]. Moscow, Akademiya, 2001, 208 p.

Narty. *Geroicheskiy epos karachaevtsev i balkartsev* [Narts. Heroic epos of the Karachais and Balkars]. Moscow, Nauka, Vost. lit., 1994, 656 p.

Raemguzhina Z. M. *Bashkirskiy antroponimikon v svete yazykovoy kartiny mira* [Bashkir anthroponymicon in the light of language picture of the world]. Dr. philol. sci. diss. Ufa, 2009, 300 p.

Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Pratyurkskiy yazyk-osnova. Kartina mira pratyurkskogo etnosa po dannym yazyka [Comparative-historical grammar of Turkic languages. The Pratyurkic basis of language. The Proto-Turkic ethnosc worldview according to the language data]. E. R. Tenishev, A. V. Dybo (Eds). Moscow, Nauka, 2006, 908 p.

Tolkovyy slovar' karachaevo-balkarskogo yazyka: V 3 t. [Explanatory dictionary of the Karachay-Balkar language: In 3 vols]. Nalchik, EL”-FA, 2005, vol. 3. S–Yz, 1057 p.

Сведения об авторе

Ахматова Мариям Ахматовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры карачаево-балкарской филологии Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х. М. Бербекова (Нальчик, Россия)

mari.ahmatova@yandex.ru

ORCID 0000-0002-0507-395X

Information about the author

Maryam A. Akhmatova – Candidate of Philology, Associate Professor of the Karachay-Balkar Philology Department, Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov (Nalchik, Russian Federation)

mari.ahmatova@yandex.ru

ORCID 0000-0002-0507-395X